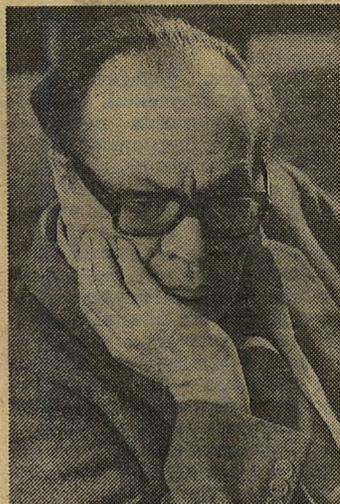

Самый день. — 1991 — 19-25 авг. (№ 34) — с. 8

Концерт в Колонном зале был вскоре после кончины поэта Михаила Матусовского. Тогда только-только отметили его 75-летие.

Вы услышите этот вечер по радио. Потом, надеемся, увидите и по ТВ.

На сцену выходили друзья. Вспоминали, читали стихи. Но, конечно, самыми красноречивыми выступающими были песни на его стихи — давние и не очень, новые, созданные с Дунаевским, Соловьевым-Седым, Баснером, другими соавторами, подарившими нам столько песенных удач. Оркестр под управлением А. Михайлова вел песенное сопровождение.

Царил дух чудесных песен поэта. А самого поэта уже не было. И, когда заканчивалась вновь взволновавшая зал песня, слушатели по привычке поворачивали голову в сторону авторской ложи... Первый такой большой концерт без автора.

Мы писали в еженедельнике обо всех авторских программах Михаила Матусовского, обо всех его поэтических передачах. О себе рассказывал он скупое, больше любил говорить о друзьях, о других, о поэзии, о песне, которую он называл «жанр с большой буквы».

И теперь нам показалось уместным, чтобы о Михаиле Львовиче рассказывала его жена, его друг Евгения Акимовна Матусовская. Ей слово:

Михаил Матусовский:

Я отдал песне все сполна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 25 АВГУСТА, РАДИО-1, 18.00;
РО-4—16.00; РО-3—9.00; РО-2—9.00; РО-1—10.15

— Меня лично несколько подташнивает от жен писателей, которые делают вид, что они тоже писатели. Я, конечно, не из их числа. Из всех писательских жен я меньше всего писательская. Впрочем, это мнение обо мне других. Но я с ним согласна. Я просто жена...

Познакомилась я с Михаилом Львовичем в сорок третьем. Он был военным корреспондентом газеты Северо-Западного фронта «За родину». Я жила на Чистых прудах, во дворе «Колизея», у нас частенько обитали журналист Николай Кружков со своей подружкой. Вот он как-то и привел ко мне двадцатипятилетнего, скромного, обстоятельного и немногословного военкора. Я его однажды видела из зала. Училась я в юридическом институте, сидела на одной парте с будущим поэтом Борей Слуцким, который уже тогда подумывал о крупной измене юриспруденции с возлюбленной поэтессой. Борис и устроил тот вечер. В зал имени Вышинского (да, было и такое) пришли молодые довоенные поэты: Коган, Гудзенко, Долматовский, Симонов, Наровчатов, Алигер... Ну, и Матусовский. Чтение стихов перемежалось перепалкой, спорили азартно, взахлеб, но без оскорблений. Миша, помнится, тоже спорил. Но мне больше понравилась лирическая негромкость и чистота его стихов...

И вот он предо мной. Кружков посмотрел на него сурово и сказал: «Девочку не обижать». Миша козырнул: «Слушайсь!» День прошел, другой — у нас роман. Он уехал. Письма, звонки: «Приезжайте, Женечка!» Я работала в сорок третьем в Министерстве боеприпасов, что на Кировской. Замминистра вызывает меня и говорит: «Опять звонил твой военкор. Ты бы лучше и вправду поехала к нему,

чего он трезвонит, мучается и нас мучает». Я и поехала.

Кружков (он уже замглавного «Красной звезды») у поезда напутствует: «Если что, немедленно назад».

Приехала я к Михаилу Львовичу в Бологое. Сидит он у разбитого дома: дым, чад, лицо уставшее, бледное. «Вы, Женечка, приехали как жена или...» Я закрыла его рот ладонью: «Никаких или». Сели на штабной «виллис» и покатили в деревню, где нам сладили землянку в три наката с «буржуйкой». На следующий день свадьба и подарки — кто кусок мыла, кто полотенце вафельное, кто осколок сахара. «Горько» кричали под спиртик «сырец»...

И вот с тех горячих пор не одно десятилетие мы были неразлучны.

Как он писал? Долго, трудно, листки все в помарках, десяток вариантов. Он не любил, когда у него на столе что-то переставляют. Сейчас только я разрешила себе чуть привести в порядок его художнический «хаос». Он работал до последних дней. Стихи, песни. Скоро выйдет книга новых стихов, на радио немало песен, которые еще не звучали. Подумываю о «Послесловии» — заметках о жизни вблизи поэта. Что вспомнится, то и в строку. Как-то Ярослав Смеляков, послушав мои истории, сказал: «Пиши, Евгения». Я отнекивалась по привычке. Тогда он предложил записывать мимолетное на магнитофон. И это не вышло. Слишком много было в жизни другого: властно повелевающего, неотложного, прекрасного и трагического. И только теперь я подумала, что время вспомнить мимущее, приблизить ушедшее, оживить, продлить то, что уже не имеет продолжения.

О характере Михаила Львовича многие не предполагали. Он был до болезненности мнительным, подчас ущербным.

Слово это у нас со знаком минус. Я считаю, что ущербность — это усугубленная скромность... Его легко было уязвить. Нет, не творчески — по-человечески. Он весь был внутри. За непроницаемо-отстраненным образом, за негромкостью и некоторой медлительностью скрывались вулкан эмоций и стержень порядочности.

Сосед по даче, академик, принес ему на суд поэму длиной с версту. Михаил Львович неделю с карандашом в руке читал этот явно дилетантский опус. Я слышала их разбор. Академик ушел довольным. Его честь не задета. Он не поэт. Но зато он академик. Это с гениальной простотой и обстоятельностью, вежливостью и тактом доказал ему поэт-профессионал... И так к каждой чужой книге, любой рукописи.

Над его мнительностью, возможно, кто-то усмехался... Однажды его с другими поэтами-фронтовиками пригласили в Кремлевский Дворец съездов. Они должны были читать с высокой сцены стихи фронтовых лет. Приближался праздник сорокалетия Победы. Неделю репетировали — с утра до вечера. А накануне концерта поздно вечером звонит администраторша и говорит: «Извините, ваш номер сокращен. Слишком много поэзии». «А других будут стихи?» — спросил упавшим голосом Михаил Львович. В трубку сказали, что другие остались... Он не спал всю ночь. Я его утешала. Он болезненно морщился, вздыхал и говорил: «Как же так, я пожилой человек, фронтовик, я готовился не сановников и бар развлекать, а читать стихи о войне для тех, кто знает в этом толк, кто пережил этот ад... И тут — сокращение, перебор, много поэзии. Да ее мало...» У него случился сильный сердечный приступ.

Знаете, я часто слушаю дискуссии на тему интеллигентности. Одни так говорят об этом, другие — иначе. Мне кажется, интеллигент — это не только образовательность и уровень интеллекта, но еще две вещи: образ жизни (как поэт — состояние души) и дистанция, которая дает возможность интеллигенту чувствовать энергетiku, или ауру (как хотите), другого человека — врага, друга, кого угодно. Матусовский был типичным творческим интеллигентом. Обязательным, серьезным, знающим цену обещанию, любому слову. Таким он жил, так писал — скупой, несуетной, но точной краской поэтической речи.

Как сказал один друг Михаила Львовича, его душа в последние годы совпала с тональностью его романа из «Дней Турбиных». Идею романа подсказал кинорежиссер Владимир Басов. Роман о благородстве и честности потерянных, изломанных гражданской войной людей. Михаил Львович долго мучился над романом. Я столько исчерченных листков еще не видела у него. Вениамин Баснер добавил мук — варианты безжалостно отвергались. И вот запись на «Мосфильме». Матусовский опоздал. Идет и слышит музыку. «Скажите, — спрашивает, — что это за красота за такая звучит? Кто сочинил?» Ему говорят: «Баснер сочинил». Матусовский на это полузадиристо-полуиронично: «Ага, какой подлец, опять с кем-то сблудил». А ему в ответ: «Так это он с вами сблудил».

Теперь его нет, а роман звучит, все окликает нас щемящей нотой невозвратности: *Сад весь умыт был
весенними ливнями,
В темных оврагах стояла
вода.
Боже, какими мы были
наивными!
Как же мы счастливы были
тогда!*

Михаил Львович говорил: «Ни к кому не прислоняться. Вот моя линия в жизни». Я спрашивала: «А стихи, а песни?» — «Пусть прислоняются. У них совсем другая задача», — отвечал он раздумчиво и улыбаясь одними губами. Фото Н. Грановского (ТАСС)